

ПОЗДРАВЛЯЕМ

преподавателей и сотрудников ОмГУ, отпраздновавших в январе свои юбилеи:

Марию Дмитриевну НИКИФОРОВУ, сторожа общежития № 1, ставшую именинницей 1 января;

Валерию Михайловну КАДНЕВСКУЮ, доцента кафедры политической истории, которому 17 января исполнилось 50 лет;

Анну Федоровну ГУБАРЕВУ, инженера по технике безопасности;

Галину Яковлевну КАМЫШЕВУ, лаборанта приемной комиссии, родившихся под одной звездой 27 января.

Желаем вам, дорогие наши юби-

ляры, здоровья, добра и радости, так необходимых в наше нелегкое время. Пусть ваши близкие и родные берегут и любят вас, а судьба будет к вам благосклонна!

ЗАДОЛЖАЛ - ПЛАТИ

С 1 февраля 1992 года библиотека ОмГУ начинает начислять ПЕНИ за несвоевременный возврат литературы.

Пени начисляются с первого дня после истечения сроков пользования изданиями в размере 10 коп. за каждый день задержки одного экземпляра литературы. Срок пользования изданиями может быть своевременно продлен, если на него нет запросов читателей, но не более двух раз.

На читателей, не возвративших литературу через месяц после окончания срока пользования и уклоняющихся от уплаты пени, начисляется штраф за месяц и 10-кратная (за книги, изданные по 1991 год включительно - 30-кратная) стоимость невозвращенных изданий и удерживается согласно представлению библи-

отеки из стипендии или заработной платы через бухгалтерию. Читатели-задолжники также лишаются права пользования библиотекой до окончания учебного года, а при повторном нарушении - до окончания работы или учебы в университете.

ПРОВЕДЕМ РЕПЕТИЦИЮ

- такое решение приняли в январе члены ученого совета ОмГУ, рассмотрев "Концепцию проведения самоаттестации", представленную проректором по учебной работе В. И. Вершининым. Она будет проведена в январе-июне 1992 года с тем, чтобы в начале 1993-го иметь возможность начать государственную аттестацию ОмГУ. Комиссии по самоанализу работы факультетов будет возглавлять либо один из проректоров ОмГУ, не работающий на этом факультете, либо известный специалист из внешней организации; заместитель председателя комиссии - декан факультета. Аттестация проводится и на выпускающих кафедрах вуза, остальные составляют отчет о своей ра-

боте в произвольной форме. Будет проведена и контрольная проверка знаний студентов 2-4 курсов.

На этом же заседании состоялось представление нового лица в администрации вуза - проректора по административно-хозяйственной работе Николая Петровича НЕЧАЕВА.

БАРАБИНСК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В самый канун Нового года на истафе кандидатский полк пополнился новобранцем. Им стал ассистент кафедры этнографии, историографии и источниковедения Александр Геннадьевич Селезнев, защитивший в Санкт-Петербургском университете диссертацию на тему "Этногенез барабинских татар" (научные руководители проф. Р. Ф. Итс, А. В. Галло). Приятно отметить, что Александр Геннадьевич - наш выпускник.

ВСЕ - ЗА ЭВМ!

14 января в ОмГУ начали работу

специальные курсы повышения квалификации преподавателей в области использования вычислительной техники. Обучение на курсах - бесплатное. К занятиям приступили 92 преподавателя и сотрудника исторического, филологического, юридического, химического и экономического факультетов. В течение 6 учебных часов они осуществят персональное знакомство с компьютерами разных типов, предусмотрена работа на ПЭВМ типа IBM PC/AT/XT, изучение возможностей системы NORTON, профилактика вирусов, работа с текстовым редактором. В феврале предусмотрен цикл Б для имеющих опыт работы на ПЭВМ. 12-24 учебных часа включат в себя углубленное знакомство с возможностями ПЭВМ, демонстрацию различных программ, в том числе используемых в учебном процессе ОмГУ, индивидуальные консультации по заявкам слушателей. Приятно отметить, что руководство университета изыскало средства для финансирования этих курсов.

Омские Университет

ОРГАН СОВЕТА ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА * N 2 (48) * 24 января 1992 г. * Цена 20 коп.

БУДЕТ И НА НАШЕЙ УЛИЦЕ ПРАЗДНИК

ФОТОРЕПОРТАЖ С СЕССИИ ВЕДУТ НАШИ
КОРРЕСПОНДЕНТЫ А. САМСОНОВА И А. ШАДРИН

Впервые за много лет у меня появилась возможность взглянуть на сессию беспристрастно. Не с точки зрения студентки, нервничающей перед дверью аудитории, и не с точки зрения преподавателя, проходящего с каменным лицом мимо ждущих экзамена. Быть может, поэтому я обратила внимание на то, что в университете с началом экзаменов возникает атмосфера праздника, какой-то торжественности и приподнятости.

Мы в полной мере окунались в эту атмосферу, побывав в святой святых сессии-аудиториях, где проходят экзамены, побеседовав с преподавателями и студентами.

Итак, группа X-81 сдает седьмую по счету сессию. Первый экзамен - химическая технология. Принимает его у Оксаны Пузиковой доцент Светлана Ивановна Калявина (вы видите их на снимке слева). В ответ на мой вопрос, что труднее, сдавать или принимать экзамены, Светлана Ивановна рассмеялась: "Я плохо помню, что значит, сдавать. Уже четверть века только принимаю. Следующая сессия для меня будет юбилейной".

- А интересно, когда стипендию увеличат? - отвечает вопросом на мой

вопрос Евгений Викулов (X-92). - А то легко сдавать сессию могут только хорошо обеспеченные студенты. Если с ночного дежурства на экзамен, то и успехи будут соответствующие. И вообще должно быть разделение при сдаче экзаменов. Например, физхимия. Будущим педагогам этот предмет не нужен, а сдают они его наравне с технологами.

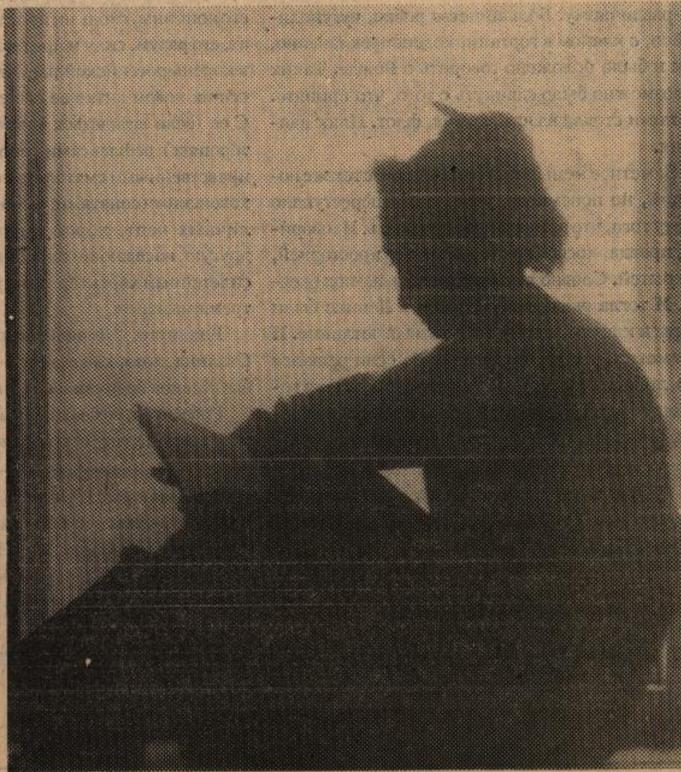
- Но университетское образование подразумевает универсальные знания, - вступает в разговор Павел Клишев из той же группы. - Самое сложное в сессии не это. Есть преподаватели, которые студента просто за человека не считают, если он не усвоил какой-то суммы знаний. А есть, и их, к счастью, большинство, которые понимают студента. Вчера, например, я сдавал зачет Светлане Вадимовне Тихомировой. В принципе, она не была обязана на зачете что-то объяснять, но когда я запутался, Светлана Вадимовна помогла разобраться в решении. Мне сейчас стало немного не до учебы: семья, дочка. И если бы не доброжелательность педагогов, не знаю, как бы все у меня складывалось.

Что ж, заглянем на экзамен со страшным для непосвященных назва-

нием физическая химия (на правом верхнем снимке вы видите Свету Александрову, которая готовится сдавать именно этот экзамен). Доцент кафедры химии нефти С. В. Тихомирова считает, что гораздо труднее принимать экзамены, чем сдавать.

- Почему? Во-первых, всегда страшно, что не сумею достойно оценить. Принимаю экзамены уже пятнадцать лет и всегда волнуюсь вместе со студентами. Я всегда им говорю: "Экзамен - это творческий процесс, в котором участвуют и экзаменатор, и студент. Экзамен - это праздник наших знаний. Он, конечно, несет с собой волнения, но волнения эти приятные."

Наверное, состояние, которое испытывают студенты и преподаватели перед экзаменом, сродни состоянию актера перед выходом на сцену. И, как актеров поздравляют с премьерой, нам хочется поздравить с началом сессии и эту девушку (на нижнем правом снимке), лихорадочно просматривающую конспект перед экзаменом, и всех преподавателей и студентов. Пусть волнения ваши будут только приятными, а экзамены превратятся в праздник.

ЭТОГО НЕ ЗНАЛА ДАЖЕ КРУПСКАЯ

21 января - день кончины В. И. Ленина

Евг. ГАБРИЛОВИЧ.

Я видел Ленина всего однажды: в начале двадцатых, в день, когда он в память погибших революционеров открывал мемориальную доску на Кремлевской стене. В своей речи он назвал тогда этот список жертв мучениками. Я, гимназист, не знал в те далекие времена смысла этого заграничного слова. Но, пожив, узнал. И мог бы добавить к той кремлевской доске еще сотни тысяч имен, если бы сумел втиснуть туда всех ухлопанных и затравленных теми, кто годами потом вел речи вплотную возле той же стены, уже с ленинского Мавзолея.

Словом, я видел воочию Ленина всего один раз, но написал о нем сообща с режиссером Юткевичем три сценария.

Писать о Ленине в нашей стране, как я уже говорил, фантастически трудно. Все процеживается неопровержимо свидетельствующими, привычно лгущими, ювелирно сличающими то, что ты написал, с тем, каким Ленин вмурован навеки по табели.

Тут трудятся и старосветские большевики, и юные, еще не опомнившиеся от дипломов редакторши. И те, и другие - самое безжалостное для сочинителя, и уж конечно, для сценариста. Они вымарывают в вашем сценарии любую смятенность вождя, любую его неуверенность, нетвердость, неверность, и уж, конечно, такие немислимые свойства, как вероломство, неискренность, фальшь. Они тянут автора вниз, в пыль, к подошвам, к тому, что стократно истоптано и насквозь известно. Рубят все, чего нет в свидетельствах, в документах, но по логике понимания должно быть. Ведь каждому автору Ленин видится по-иному, только тогда это вправду Ленин.

А без этого, без того, что могло быть, не существует художественной верности искусства, тогда это всего лишь жернова, перемалывающие одно и то же. Пух и перья.

Каким истинно был Ленин? Этого, по моим наблюдениям, не знал никто. Включая Крупскую. Во всяком случае никто, с кем я по этому поводу общался. А общался я со многими и различными - ведь писал я о Ленине (плохо, а может, и не совсем) сценарии для кино. Каждый, кого я перед этим расспрашивал, говорил о нем по-разному. Большинство робко, чугунолитейно, с кляпом в гортани, коленопреклоненно, как и было положено говорить о Вожде. Таких невозможно было сдвинуть с того, что принято. За ними стояла власть, армия, флот. Плюс авиация.

Заметное меньшинство начинало с тех же позиций, но понемногу, увлекшись, переступало черту того, что приказано вслушаться. И говорило, правда, косясь по сторонам, все просторней, открытее. Словно выпрастывалось из-под одежды. И тогда оказывалось, что и в Ленине были дыры и кляксы, к тому же весьма отчетливые. И я заметил, что рассказывающий, если решался что-либо прошлестеть, не без удовольствия говорил о них. Но спохватившись и придавив удовольствие, вскоре же опять переползал на поэмы

Писать о Ленине почти невозможно. Каждый, кто жил в России до перестроечных лет, поймет это без дальнейших слов. Я же разъясню это несколько ниже. А сейчас, после трех киноработ о Ленине, позволю себе сказать так: Ленин совсем не такой, каким его принято воссоздавать пером или кистью. Радикально иным он сложился во мне после достаточно пристального соприкосновения с материалами, к нему относящимися - конечно, до той ватерлинии, до которой меня к ним подпускали.

И как раз таким, как я о нем здесь поведу речь.

Таким, какой он во мне. Именно это представляется мне правдой. Однако хочу сразу сказать: перед вами не грамота для исторических справок. Тут есть и то, что подкреплено только самым зыбким и озадаченным из всего, что здравствует в нашей сумятице: воображением. Но без допущений нет искусства. И даже сыря к нему.

Итак:

о том, что всем на зубок известно. Что раз и навсегда придумано, осмотрено, отштамповано и врыто, как монумент. В цветах и одеколоне.

Я думаю, что Ленин, в противовес легализованным сюжетам, был весьма скрытным человеком. Он был МНОГИМ и ВСЯКИМ в зависимости от того, что требовалось по обстоятельствам и кем был его собеседник. И совсем не таким простодушным, как живописуют мифы. Он был разнообразней, криволинейней, да и хитрей того имиджа, который десятками лет пытались винтить нам в душу. Разномастным и кажущимся.

Впрочем, таков удел всякого, кого сохранила История - в позор или в похвалу.

Сколько людей настаивали на дружеской близости с ним, но не было никого, о ком можно было бы сказать, что он ему был СОКРОВЕННО близок. Вздохом и выдохом спянным с ним.

Вздорен и недоверчив. Порой высокомерен и всегда деспотичен. Очень самолюбив.

Однако высокая (но тайная) самооценка причудливо сплеталась в нем с традиционной для демократа ПРИРАВНЕННОСТЬЮ в соприкосновении с людьми.

Предвижу, какая брань обвалится на меня за это утверждение. Однако настаиваю на нем.

Не было у него друзей! Включая и Крупскую. Не отступлюсь от этого, как и от многого из того, что вслед за этим скажу.

Завещано полагать, что он был как бы елочным дедом - добрым, заботливым, нежным, мягким, неким партийным, душевным, святочным ведуном, озаренным любовью к несчастным, которыми (к бездонной скорби его) веками кишит земля. Таким, которому дорога былинка и клейкий весенний листок. Нет, он не был таким.

И в нем, в его естестве - подоплека всего, что явил собой большевизм.

Сталин, сколь ни пытаются это опровергнуть, действительно прямой его ученик.

Содной стержневой поправкой. Ленин - русский интеллигент, пусть мегатонны брани и желчи истратил он, чтобы ошельмовать ИНТЕЛЛИГЕНТА. Он вырос в русской, прогрессивной интеллигентной семье, и это происхождение не растворилось в нем до самой его кончины, сколь ни прославлял он пролетариат, его разум, силу и предназначение. Он корень в корень российской радикальной образованности на новом витке ее общественного развития. С ее (если взглянуть в него попристальней, не торопясь) рефлексам, порывами, слабостями, нравственными смятениями. Да, кстати, и с бетховенскими сонатами. В Ленине туча самых различных черт, порой опрокидывающих одна другую, наседающих друг на друга. Это сложно-сплетенный характер, а мы рисуем его двумя, ну тремя мазками.

Вот этого, "Лунной сонаты", начисто нет у Сталина, хотя, как гласит молва, он любил, что бы Жданов брэнчал на пианино.

Робеспьер, с гнездившимися глубоко втретью в кожу и душу осколками российской интел-

лигентской сути. Таков Ленин. Это чистая правда.

Однако правда и в том, что все свои помыслы, надежды, бессонье, веру, любовь он без остатка (а это случается очень редко) отдал Идее. Его невзгоды при этом, конечно, сильно преувеличены, но все же они были такими, которые тысячи тысяч заставили отступить. Он не отошел ни на шаг. Он дрался впрямую, в душу, в гибель, в кровь.

И дрался не дрогнув.

Хотя, как и все политики всех времен, губил несчетное множество человечества, вызывая к бесценности каждого отдельного человека.

Нет, это был не святочный, а упрямый дед. Беспощадный, жестокосердный. С родимыми, чисто российскими умирными всплесками доброты. Среди расстрелов.

Мы с Юткевичем не могли по отмеченным обстоятельствам представить его таким, каким он вправду был. Все, кроме мудрости, безгрешия и доброты, пресекалось цензурой. Даже плевков поверх урны. А с ним это однажды случилось в Швейцарии. Мы мечтали лишь об одном: смыть с него бронзу, сделать ближе, душевней, ошибочней, оплошней, - колеблющимся. И даже проклинающим себя за ошибки. Трудно сейчас воспринять всю дерзость такого намерения, если не взять в расчет, что кинуроводство, сражавшееся с религией в те годы столь же самозабвенно, сколь рьяно оно привержено Господу Богу в наши дни, было непоколебимо. Им нужен был Ленин с Нимбом. Священный Ленин. Бесплотный и сладкоглазый. Предвечный и вездесущий. Постоянно праведный; Творец Земли, неподкупности и порядка. Ленин, благославляющий все справедливое и самое кроткое из всего справедливого. Ленин - Христос, но в жилетке, при галстучке и с партийным билетом. Всевышний, начальствующий чекистам. Командующий истиной и милицией.

И что же - Партия с годами тоже становилась Предвечной. Директором канцелярий и истины.

И самое удивительное - большевизм все плотней делался слепком ленинского характера: нетерпимость, непрекаемость, уверенность только в своей правоте.

И вот что еще я бы прибавил к тысячесловию, сказанному о Ленине, если бы писал о нем заново, в наши дни: Ленин НЕНАВИДЕЛ тех, кто был несогласен с ним. Они были ему ФИЗИЧЕСКИ ОМЕРЗИТЕЛЬНЫ.

Так вот - такой стала и Партия - НЕНАВИДЯЩЕЙ.

Ленин был нетерпим. Беспощадно, яростно, бешено (любимое его слово) нетерпим. И не только к врагам, но и к тем, кто был рядом, но в чем-то не согласился с ним. Пусть в слове, пусть даже в том, как подчеркнуто это слово. Пререкания, которыми он бурлил, полны брани. И передержек. Нередко блестящих.

Он любил спорить и вообще находиться в состоянии, которое сам же именовал "драчкой". Дышал этой драчкой даже с самыми близкими, даже в самые царские времена. Не чурался напраслин, нацеленных на тех, с кем чертыхался. С кем бурлил в чащобах марксизма. А ненавидел он люто. Яростно и жестоко. Если согласен с ним - друг. На время, пока согласен. Не согласен - враг. И ничего от благостного. И не жди от него пощады. Ни в спорах, ни в пуле.

Много читал и знал, но узковато для того великолепного европейского уровня думал. Обошел спорить, но препирался на узком, в сравнении со сверстниками по столетию, пространстве. На уровне среднего поднебесья.

И если отбросить привычный марксистский туман, то (еще раз взводите меня!) именно тут, в этих малозаметных, полузаметных и очень заметных чертах его склада, пружина партийных раздоров у самых завязок. С большевиков и меньшевиков.

Да, кроме прочего, еще характер Ленина! Он, именно он! Его натура всосалась в натуру партии, а постепенно и всей огромной страны, создав именно то, чем мы жили десятками лет, да и живем, скажу откровенно, сейчас. Хотя и

нацелив в Ленина перья и митинги.

Этот феномен мало подмечен историками, фиксировавшими все, вплоть до того, с кем спал император Траян. А ведь Траян, есть сплетня, был не слишком силен по интимной части, и отыскивать тех, кого он любил, было нудно и тянуло выпить и закутить...

Сюжеты Партии Большевиков! Не то, что о ней годами строилась в газетах, а все наглухо скрытое, запрятанное по душам, кельям и тайникам. Все петли и микросрезы партии. Все извилины, завороты, зигзаги. Весь долготелый лукавый процесс. От бесстрашной преданности до толстопузого чванства. От царских централов до чиновной напыщенности и высокомерия такого накала, какой не часто встречался в подлунном мире, где, как известно, наталкиваешься на все.

Трескущность, таинственность, безоговорочность. Это - Партия. Ведь скрывались не только ее червонцы - прятались ее нервы и души. Вот о спрятанных душах и рассказать!

А теперь такой странный вопрос: увлекался ли Ленин женщинами? Не знаю. Я этого не скажу, сколько ни рылся в воспоминаниях.

Но вот однажды нам с Юткевичем попалась в Париже заметка в старой французской газете, рассказывающая о любви Ленина к одной из его соратниц. Газета была популярная, нарасхват. Беспартийная. Скажем так: бульварная пресса.

Однако эта выщепшая бульварная заметка оказалась, сколь это ни удивительно, настоящей на таком бульоне соцреализма, что обойти вниманием сюжет, затронутый в ней было нелегко.

Он сводился к тому, что в дни своего последнего пребывания в Париже, перед первой войной, Владимир Ильич влюбился в некую политэмигрантку. Имени ее я не стану тут называть, вы его знаете, оно отмечено едва ли не во всех наших политпросвещенческих букварах, конечно, без лирических уточнений. К слову, биография этой женщины в свой черед настолько удивительна и широкоохватна, что я не могу взять в толк, как она до сих пор обойдена нашим искусством.

Вообще разумеется, что сексуальные завихрения недопустимы для настоящих большевиков. И, уж конечно, невероятны для Ленина.

Так это или нет, но сюжет, изложенный в той парижской газете, развивался так: Владимир Ильич явился к Крупской и, будучи человеком честным (а главное, как подчеркивала газета - социалистом), признался, что полюбил другую. Тогда, по тексту той же газеты, Крупская ответила ему так, как могла бы ответить только соцгероиня. "Мне больно,- сказала она.- Но твое душевное равновесие (писал, как видно, слишком мощный виртуоз пера) так дорого партии, что ты волен действовать, как решишь. Хочешь - уйди, хочешь - останься".

Владимир Ильич, по словам автора, попросил двадцать четыре часа на раздумье. И по прошествии суток - остался.

Так значилось в этой старой парижской газете. Представьте, какой восторг вызвал бы этот пассаж у наших редакторов. И все же он показался нам настолько соцреалистическим, что мы решительно отклонили его.

Хотя Господь видит, как нам хотелось, чтобы Ленин наконец влюбился!

Так и остался наш "Ленин в Париже" без лирики, лишь с глухими намеками на нее.

Был ли Ленин велик? И этого я не знаю. В одно время с ним, тут же рядом в России жили умы необъятной мощи, пронзительной глубины, принесшие человечеству Непреходящее. Он же всегда пребывал не дальше марксистского штачка. Но именно Ленин озарен таким венцом МУДРЕЦА, на который он по спокойным меркам не мог питать особой надежды.

Конечно, он стоял у штурвала неограниченной власти, и значит, непогрешимость и мудрость разумелись сами собой: закономерность, остро прослеживаемая во всем движении человечества.

Вот я и написал о Ленине все, что подумал о нем. "Экран и сцена", N45, 1991 год.

Идя навстречу многочисленным пожеланиям читателей и рыночной экономике, открываем

ОТДЕЛ ОБЪЯВЛЕНИЙ

Американский учитель, холостой, желает переписываться с образованной незамужней советской женщиной от 25 до 40 лет, некурящей, непьющей, которая интересуется путешествиями, классической музыкой, природой и домашней жизнью.

Пишите по этому адресу:
Dr. Thomas T. Johnston,
Music Dept.
University of Alaska

Fairbanks, Alaska 99775
USA.

От редакции. К сожалению, мы не можем воспроизвести цветную фотографию автора, присланную в письме. Однако тех, кого она заинтересует, приглашаем зайти в редакцию в рабочее время. Возможность розыгрыша исключена, письмо подлинное.

X X X

Те, кто приобрел в 1991 г. в нашей редакции

билеты Международной журналистской лотереи, могут проверить их по месту покупки - таблица опубликована в газете "Труд" 27 декабря 1991 года.

X X X

Редакция принимает также объявления о покупке, продаже, обмене, утерянных и найденных вещах.

1 января состоялось очередное, праздничное заседание ПРИКОЛА. Первым вопросом в повестке дня стояло: с чем поздравлять друг друга, с Новым Годом или с Новым Годом (о положении в стране). Второй вопрос был не менее актуален: обсуждался тезис "Трудно дается то, что дается не тебе" (о распределении новогодних подарков профкомом).

С новым приколом!

Словарь "Прикольный"

Групповой - концерт рок-группы

Творог - изобретатель

Чинарик - китаец

Примочки - клипсы

Деньжонки - 8 марта

Граммзапись - стол заказов (вариант: килограммзапись)

Гамбит - единица измерения шума

Оболтус - гайка

Путана - студентка, не знающая ответа на экзамене.

Словарь "Прикольный" - словарь истинно делового человека

Экономия слов - налицо. Подписаться на словарь можно по телефону:

Из изречений новоиспеченных апостолов

ПРИКОЛа (принимать по цитате по три раза в день на пустой желудок и голову):

СССР к 70 годам достиг зрелости и начал размножаться делением.

Если наша страна выйдет на мировой рынок, то он устроит там базар.

Не так страшна женщина, как себя малюет.

За все хорошее надо платить, за все нехорошее - переплачивать.

Если стоит стадо баранов, то всегда найдется осел, который займет очередь.

АНОНС!

Сотрудниками ПРИКОЛ^а начато одно из крупнейших исследований в области ОСЛИКов (Особых Ляпусов И Казусов).

Всех, имеющих в памяти точно заверенные изречения наших высокоуважаемых преподавателей, просим внести вклад в науку, Контактный кабинет - редакция ОУ (2 корпус, к 231)

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ КОНКУРС

Не правда ли, в январе этот снимок еще "под настроение"? Честно говоря, лежит он у нас с декабря - и все никак не пройдет - то места не находится, то по содержанию полюсы не уместен. А почему бы читателям не помочь? Итак, мы объявляем конкурс на лучшее название к снимку.

Приз стоимостью не менее 10 (увы, рублей, а не долларов) будет вручен победителю за самую остроумную и неожиданную подпись. Заявки подавать прямо в редакцию в рабочее время или опускать в почтовый ящик "ОУ" в фойе 2-го корпуса с указанием ФИО и места работы или учебы автора (естественно, до подведения итогов конкурса данные претендента остаются редакционной тайной).

Срок конкурса - до 1 марта 1992 года.

Фото все того же А.ШАДРИНА

352 ЗАСТАВА

"ТЕРМИНАТОР" - 5,5

Ленту можно смело включить в первую пятерку фантастических кинопроизведений 80-х гг. "Terminator" посмотрел, пожалуй, всякий, кто хотя бы раз пять имел дело с видеокассетами. Футуристический боевик Дж.Кэмерона столь разносторонен, что вызывает повышенный интерес и у высокоинтеллектуальной, и у самой невзыскательной публики, тем самым отражая один из базисных постулатов американского кинематографа: делать кино для всех.

Как справедливо предположили в 1984 г. авторы картины, впереди нас не ждет ничего хорошего: кончится все ядерной войной и засильем роботов на планете. К счастью, не все так безнадежно. Некая исключительная личность Джон Коннор взяла на себя нелегкие обязанности руководства выжившими людьми в войне с роботами. Агрессивные машины наверно вняли призыву Козьмы Пруtkова "зреть в корень" и заслали в прошлое "робота-убийцу" /под этим названием у нас циркулирует пленка с фильмом/. Джон отправляет туда же своего друга, чтоб тот защитил мать, не ведающую об опасности. Отсюда и пляшет сюжет, обогащаясь все новыми интересными ходами. Но в его развитии, как мне представляется, происходит смещение акцентов, возможно невольное. Лента из фантастического боевика превращается в социально-психологическое действо, когда уходит на второй план линия о спасении человечества и на ее месте возникает тема людской беспомощности перед трансцендентными силами, затравленности, беззащитности. В этих эмоциональных застенках даже любовная сцена Сары с ее защитником /Линда Гамильтон, Майкл Бин/ кажется скорее общественно значимой, чем чувственной. Тут заметна переключка со многочислен-

Привет, студенты! Оторвитесь-ка от остатков рождественского пирога, если он вам перепал. Чувствуете, пахнуло паленым? Чтоб мне всю жизнь быть студентом - пришла сессия. В связи с чем и пожелаем друг другу максимум удачи и выдержки. Я же надеюсь, что истребительные функции одного из любимых персонажей современного американского кино будут восприняты не слишком буквально, но кое-что подскажут.

ными лентами дьяволиады. Казалось бы, человек ничтожен, и сопротивлению с его стороны - безрассудство, однако эта инстинктивная борьба обеспечивает нашему брату победу над существами, прямо скажем, высшего порядка. Опираясь, правда, еще на один фактор, о котором речь чуть ниже.

Не останавливаясь на художественных особенностях фильма, замечу, что без "Шварца" он много бы не проиграл, хотя мотив его присутствия ясен: наличие "звезд" - это лишняя страховка "звездной" популярности картины.

"ТЕРМИНАТОР-2. СУДНЫЙ ДЕНЬ" - 4,5

Компания "Королко", кажется, разгулялась не на шутку. Выложив 67 млн. за "Total Recall", теперь она решила побить собственный рекорд - настоящий фильм стоит около 100 млн. долларов и на сегодня - самый дорогой в мире. /Впрочем, денежки дала японская фирма "Сони". Пятая часть пошла на оплату услуг компании Лукаса по спецэффектам, за которые взялся, кстати, ведущий голливудский мастер Стен Уинстон. Решил не рисковать и с режиссером - пригласили того же - блестящего профи Дж. Кэмерона. Картина является как бы продолжением гимна технократическому XX веку. И в оригинале, и здесь практически один и тот же финал: машина-истребитель гибнет на современном производстве. Быть может, сами того не желая, создатели фильма констатировали огромную роль технологического создания и его эффективность.

К огромному моему сожалению, и здесь сработал железный закон сиквелла: качество пало. Пожалуй, "Terminator-II Judgement Day" - наиболее слабая работа Кэмерона. Сняв семейный боевик "Бездна", он уже не мог вернуться к жестокостям оригинального "Терминатора". В итоге

получилась стилистически путаная лента, где утонченные, психологические эпизоды бессвязно перемежаются с многочисленными погонями, перестрелками - благо, что для последних бюджет предоставляет возможность развернуться. У ленты появилась еще более конкретная ориентация на подростков, ибо теперь борьба идет не столько за спасение Сары Контор, сколько ее сына Джона лет четырнадцати. Пожалуй, неудачной была идея переименовать героя Арни-Терминатора - с минуса на плюс и поставить ему в противники еще более неуязвимого охотника за семейством Коннор.

И все же этот длинный и невнятный фильм благодаря технике и режиссуре смотрится на одном дыхании.

"КЛАСС-1999" - 3,5

Картина рисует неслесные перспективы народного образования на примере американской школы. Видимо, окончательно потеряв педагогический дар, учителя одного из колледжей передали учебный процесс роботам, внешне неотличимым от человека. Но в механических созданиях разыграл боевой норов, и они рассудили, что лучший способ для наведения дисциплины - уничтожение ее действительных и потенциальных нарушений. По этой самой причине нарушители вдруг превращаются из разгульной шпаны в юных героев и выдерживают жестокую схватку с плохо поддоющимися уничтожению роботами. Финал напоминает пародию на последние кадры "Терминатора".

Постановщик Марк Лестер, знаковый вам по "Коммандо", привлек для пущей важности на роль директора школы Малколма Мак-Дауэлла, но помогло это мало. У Лестера есть, кстати, близкий по тематике фильм "Класс-1984".

"ВАМ!"

НАШЕ "ВАМ" С КИСТОЧКОЙ!

Таварищ страшный И.Рыбаков, позвольте, то есть (черт!) разрешите докладывать: надежду Вашу оправдал, отвечаю на статью "Вам!" ("ОУ", 27 декабря 1992 г.). Правда, за смелостью пришлось сбегать в "Иверию" (своей, как Вы и опасались, нехватило) ну да это ничего.

Рыбаков в задумчивости шел по залитым рекламными огнями улицам Нью-Йорка и созерцал пестрый эмерикен пилл, исполненный самодовольства и непонятной Рыбакову радости, а в голове у него, как имель в бутылке, зудел и бился один мучительный вопрос: "Нупочему одни родились в Штатах, а другие, наоборот, в СССР?"

Одним взмахом палочки Вселенский Дирижер разделил людей на "белых" и "черных", и в то время, как какой-нибудь черный "белый" хлопает дверцей мерседеса и закивает фрукты кока-колой, мы, белые "черные" .. эхх! - так думал Рыбаков, откупоривая баночку бельгийского земляничного пива и распалаясь все больше и больше: "Сытые, сволочи, балдеют, а чем вы заслужили такой кайф? Что вы видели в жизни, кроме ресторанов и Диснейлендов? А туда же, толкуют о России: Там перестройка. Там жрать нечего. И вообще там страна дураков."

- Ну конечно, умные-то вот они - гамбургеры жуют, на водных лыжах катаются, радуются жизни! А кто-нибудь из вас когда-нибудь задумывался о том, что где-то там разрывается за вас ваш современник, тщетно растягивая свои деревянные гроши, отмораживая ноги на остановках, что где-то в промозглых общагах братья-студенты гробят здоровье - недосыпанием и батонной жизнью? А?

Тут перед его глазами с предельной четкостью возникло утро, допустим, 14 декабря. Мороз и солнце.. Окно с решеткой на торце гастронома, облепленного двухтысячной напряженной толпой. Сознание зацеклено на слове: "водка". Началось! Окошко растворилось, и сразу ругань, мясорубка, трудной дышать, жара: водка! А вот и о н и. Их шестеро, в куртках и спортивных штанах, бетонные челюсти. Полезли четверо. Кто-то: "Куда прете без очереди?.." Кто? Парень лет 18 с человеческим достоинством в глазах. Менты, как всегда, поздно... На снегу - тот самый парень. Одежда в клочья, выбиты передние зубы, разорваны губы и ухо. Кровь. Дышит? "Скорая", наконец-то..

Пальцы Рыбакова судорожно сжались, баночка с хрустом превратилась в лепешку, и остатки пива покинули ее. Он как-то странно оглянулся на компанию балдеющих американцев, и в голове вдруг пронеслось: "Гады! Ну, сейчас..." В три приема он оказался на крыше лилового "кадиллака" и, бешено жестикулируя, начал:

- Американцы! Все это, конечно, хорошо... Джинсы, небоскребы... Вы подлецы! Ибо живете на халеву, тащитесь. А где-то... Я обвиняю вас. Обвиняю в трусости и подлости, в смертях сотен тысяч людей, в безмятежности и бесчеловечности, в сытости и самодовольстве. А право на это мне дали миллионы людей, жертв коммунистического режима, которых вам не вернуть никакой гуманитарной помощью! Мой долг и вина в том, что я остался жив, а они ... Ваша вина намного больше. Вы просто отсиделись за спиной тех людей, которые страдали и страдают, надрываются ради того, чтобы вы нормально жили и развивались, чтобы на порог вашего дома не ступила война. Вы просто тыловые крысы, забившиеся в самый теплый угол от жизни! Вы же не люди! Вы бездушные роботы, напичканные баксами и жевательной резинкой! Вы...

Тут толпу зевая, не понимавшую чужой речи, но уже начавшую бросать к ногам оратора центы, прорвали трое полицменов и, нежно подхватив одного под руки, понесли прочь. Но Рыбаков не унимался и продолжал на ходу:

- Вы когда-нибудь хоронили друзей? А кто из вас осмелится посмотреть в лицо матери из Чернобыля? Вы когда-нибудь отрывали девушку, невесту, от крышки гроба? А?! А руки у вас тряслись когда-нибудь? А ноги? Что, нет? У-у, гады! А вас когда-нибудь били веслом по...

Не дав закончить излияния, полицейские затолкали его в машину, и минуты спустя улица зажила обычной жизнью...

Ни для кого не секрет, таварищ Рыбаков, что система воинской повинности в наше время, время господства рынка, безнадежно устарела, что соотношение между СА и армией профессиональной (наемной) приблизительно как между телогой и самолетом. Гниение этой системы давно уже является бедой как нашей молодежи, так и для матерей, чьи сыновья вернулись в поисках из рядов нашей СА, и для невест, дождавшихся своих женихов с отбитыми внутренностями, и много еще для кого. Вы, мусью Рыбаков, совсем не видите блага в том, что часть молодежи (как ни крути - лучшая часть) теперь лишена восхитительной возможности тупеть (именно так!), гробить здоровье, психику и время в течение двух лет? Очевидно, это для вас дико.

Идеал ваших грез (логически вытекает из статьи "Вам!") - загнать ВСЕХ парней 18-ти лет в Афганистан (чтобы на порог остальных граждан не ступила война) на два года, причем на тех, кто останется в живых, до самой смерти будет лежать бремя вины за то, что они остались живыми, но зато они будут твердо уверены в том, что г.Рыбаков признает их мужчинами и молодцами. И так каждый год. И всегда. И тогда не будет "белых" и "черных", будут только мертвые. Ах, как это романтично!

Кстати, камараде Рыбаков, вы можете представить себе такую картину: рядовой Лермонтов, новобранец, сидит в красном уголке и подбирает рифму к слову "тряпка", вдруг заходит злой "дед" ефрейтор Толстой и, видя такое безобразие, орет: "Ничо ты растащился", аборт! Тазик, тряпка, взлетка: три минуты - и чтобы все блестело! Время пошло!" - и пинает беднягу в зад! Видимо, в этот момент и родились замыслы "Демона" и "Анны Карениной"? Что? Трудно представить?

Быть может, я никогда не написал бы этих строк (коль все ясно любому восьмикласснику), если бы не столь хамская самоуверенность будущего историка в раздаче ярлыков и выводах. Вот, например, Рыбаков спрашивает: "Да и многие ли из вас станут учеными? Или хотя бы хорошими специалистами?" Хотелось бы знать, что думает геноссе Рыбаков по этому поводу о себе? Видимо, ему гарантировано место рядом со Спинозой? У меня также возникли вопросы к комиссару Рыбакову:

1. Откуда такое отношение к людям: если плохо мне, то пусть будет плохо всем?

2. Откуда манера бить себя в грудь: да я кровь проливал?

А вообще-то, конечно, статья "Вам!" неплохая. Да что там - хорошая статья! Нет - отличная даже! И язык, и вкус, и пафос, и вообще. Если напечатать ее в журнале "Советский воин".

А.ВЯТКИН, отслуживший свое в СА.

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуемый отклик - лишь один из немногих, поступивших в редакцию. Мнения наши читатели высказали самые различные, и они обязательно будут опубликованы в следующих номерах.

Продолжение. Начало в N13 (38) за 1991 г

Глава 9. АНДВИР НАХОДИТ ОТЦА.

Сванхеймцы считали короля Харальда святым. С тех пор как он поселился в замке посреди столицы, в стране воцарилась благодать: не было ни войн, ни голода, ни эпидемий. Харальд не боялся ходить без свиты, потому что он не считал возможным не доверять своему народу и править народом, который не доверяет ему.

Еще до переезда в Сванхейм он избавился от шрамов, уродовавших прежде его лицо, и теперь сванхеймцы видели высокого красивого человека с аккуратно подстриженными седыми волосами и бородой. Темно-серые глаза Харальда были большей частью добрыми, и лишь иногда в них вспыхивал огонек гнева. Харальд никогда не кричал и не ругался, но и улыбающимся его тоже не видели.

Как и полагается королю, Харальд носил шелковые сорочки и вышитые золотом кафтаны, а на руках - браслеты и перстни, его апартаменты были достаточно просторны и красивы, ему полагалось несколько оруженосцев, денщик и секретарь, - словом, он жил в полном довольстве, и любой человек с радостью бы поменялся с ним местами, но Харальд не мог даже улыбаться. Порой он запирался в своем кабинете и часами сидел точно застыв.

Он думал, что Андвир больше нет. Но в эту ночь Харальду приснился удивительный сон. Андвир и его девушка, Эльрун, сидели на самом верху какой-то башни и разговаривали. Слов он не слышал - просто любовался молодой парой и знал, что это сон, но просыпаться не хотел.

Его, однако, разбудил один из оруженосцев и сказал, что к Сванхейму приближалась эскадра Драгонульфа, но налетела на скалы и погибла. Король тут же встал и отдал приказ встретить незваных гостей подобающим образом: троллей убивать, а людей брать в плен.

Врагов было немного, да и те, выбравшиеся из воды, уже не были страшны, так что присутствие короля в войске не требовалось, однако Харальд, томимый каким-то странным предчувствием, сам возглавил большую отряд и повел его на побережье.

Разбившись на небольшие группы, они искали притаившихся врагов. Разбойничья стрела прилетела сзади и пронзила Харальда насквозь. Он отломил наконец и сказал оруженосцу: "Вытащи!" - сгоряча не чувствуя боли. Бывалые воины переглядывались: человеку с такой раной следовало лежать в постели, а не ходить и ездить верхом.

Но Харальд возражений не терпел: он приказал, чтобы ему перевязали рану, и снова вскочил в седло. Опять они прощесывали местность, искали то, что осталось от дружины Драгонульфа. Впрочем, Харальд искал кое-кого еще.

Он еле-еле держался в седле: боль жгла его грудь, и он до крови кусал губы, чтобы не издать ни звука. Он знал, что скоро потеряет сознание, но слезы с коня не желал. Между тем солнце поднималось все выше, заливая тяжелым зноем все побережье, а ветру, казалось, лень было дуть. Воины взмокли от жары, и только Харальда бил озноб.

Чтобы похвастаться перед королем, офицеры собрали всех пленников вместе. Харальд смотрел на них затуманенными глазами, он ведь не ожидал увидеть среди них Андвира. Но увидел.

Вот у меня уже и галлюцинации, подумал король и спрыгнул с коня, чтобы убедиться, так ли это. Но не удержался на ногах - упал на траву. Почувствовал во рту вкус крови... Воины бросились к своему королю, но что они могли сделать? Ни один из них не был искусен в колдовстве.

Андвир посмотрел на отца - тот был бледен почти как мертвец, но лежал спокойно, не метался и не бредил. Решил, что без него ничего плохого не случится.

Но когда Андвир, чистый, причесанный, сытый, вернулся в спальню короля, первое, что он увидел - огромные, черные от боли глаза отца и его исхудавшую руку, комкающую край покрывала. Констанция напрасно пыталась успокоить брата. Он не разжал закушенных губ, но его стеклянный взгляд спрашивал без слов: "Как ты мог оставить меня, Андвир?"

- Я больше не уйду, - сказал королевич и несмело погладил руку отца, и увидел, что гримаса боли с лица Харальда сошла. Тогда он принял нежно перебирать его белоснежные волосы, шептать ласковые слова, не из жалости, а потому, что ему в самом деле этого хотелось, как будто он вспомнил детство. Но даже сейчас память ничего ему не подсказала.

Констанция невольно прониклась к своему племяннику некоторым уважением. Но тем непонятнее было ей, как мог Андвир стать прислужником Драгонульфа. И она спросила его об этом.

Андвир посмотрел на нее серьезными, темными, очень честными глазами и сказал:

- Я и сам не знаю, как!
- Ты не сам пришел к Драгонульфу?
- Ну конечно же нет!

Констанция не знала, что и подумать.

Минув вечер, и прошла короткая летняя ночь, которую Андвир и его тетушка провели без света. Наконец розовая заря заглянула в стрельчатые открытые окна спальни. Харальд спал, и его серебряные волосы рассыпались на подушке, и сквозь золотистую кожу щек проступил легкий румянец, а губы, уже не такие бледные, как раньше, раздвинулись в улыбку.

Да, Харальд улыбался, потому что ему не было больно.

Велика же моя сила, подумал Андвир, и его сердцу стало горячо от любви к отцу, спасенному им. Любви? Да, у него отняли память, но все чувства остались при нем. Поэтому-то ему было так хорошо с Эльрун. Поэтому он так глупо доверился Индреку. Ну, Индрек-то небось уже жалеет о том, что сделал. А вот что с Эльрун, где она сейчас?

- Иди спать, королю лучше, - сказала Констанция.

Она говорила с придыханием, и от этого ее речь казалась высокомерной. Чтобы задеть ее высокомерие, Андвир возразил:

- Я думаю, он испугается, если проснувшись, не увидит меня. Лучше я останусь здесь.

В комнате Харальда имелся маленький бархатный диванчик, на него-то Андвир и лег, свернувшись калачиком. Констанция пожала плечами и ушла к себе.

Харальд проснулся почти здоровым и сразу вспомнил, что произошло с ним накануне. Он чувствовал, что его тело стало слабым и каким-то непослушным. Открывать глаза не хотелось. Но он был мужественным человеком, обманывать ни себя, ни других не любил, а потому все-таки открыл глаза.

И увидел спящего Андвира.

Его сердце забило так, как птица бьется в клетке, когда к ней подкрадывается кошка. Но рабость - не страх, от нее не бывает вреда. Поэтому вскоре Харальд выскользнул из постели и присел возле Андвира.

Появилась Констанция, и они сказали друг другу все, что обычно говорится в таких случаях. Харальд попросил сестру не шуметь, чтобы Андвир выпался.

- Бедный мальчик, какая белая у него кожа. Это - тюремная бледность.
- Конечно, такая бледность приобретается в тюрьме, но Андвир был не узником, а стражником. И не где-нибудь, а именно у Драгонульфа.
- Да что ты такое говоришь?
- Я знаю, что! Вот - посмотри!

И она показала брату кожаный жилет Андвира, небрежно брошенный им вчера на стул.

Знаки, нарисованные на груди и спине этого жилета, Харальд знал слишком хорошо.

- К счастью, он спас мне жизнь, и я избавлен от необходимости его убивать, - ледяным голосом сказал король, будто у него замерзли щеки и губы.

Затем от лег в постель лицом вниз... Ему было хуже, чем сутки назад, - ведь стрела пронзила ему только легкое, а сейчас он получил рану в самое сердце.

Андвир выбрался из толпы пленников и рванул к отцу и его свите. - Он же умрет, если не помогу сейчас же! - горячо воскликнул он, и как ни странно, его слова подействовали, свита расступилась.

Андвир склонился к отцу. Тот был без сознания, его светлая пеннистая кровь пронзительно адела на чистой ярко-зеленой траве.

Нельзя медлить, понял Андвир, и уложил отца лицом вниз, чтобы не захлебнулся. Попросил, чтобы ему дали сосуд волшебника.

Такой сосуд был только у короля, и его ординарец без колебаний отдал его Андвиру. Все офицеры с недоверием, но и с надеждой смотрели на необыкновенного чужестранца, в котором, если бы не его одежда, они признали бы своего соотечественника. Сначала Андвир выстукивал на сосуде мелодию, которую не помнила его голова, но откуда-то он эту мелодию все же знал, затем приподнял голову отца, погладил его виски и коснулся других чувствительных точек, которые не сумел бы назвать, если бы спросили. И его магия помогла, кровь у Харальда остановилась.

- А теперь принесите бинты, я перевяжу ему рану как следует, - сказал он. Бинты тут же нашлись. Андвир сменил повязку на груди отца, и тот очнулся.

Однако глаза у Харальда были стеклянными от боли, и он ничего не видел. Провел, как слепой, ладонями по лицу Андвира и прошептал: "Это ты".

- Да, отец! И позволь мне теперь избавить тебя от боли.
- Но ведь это бред. Ты исчезнешь. Я не хочу, чтобы бред кончился.
- Я не исчезну.

Андвир только со слов Эльрун знал, что Харальд - его отец, но, как ни странно, чувствовал к этому тяжело страдающему человеку не одну только жалость. В его сердце проснулась трогательная сыновняя нежность, и ему хотелось приласкать отца, чтобы забыть о боли. Но он знал, что боль не отпустит его отца так легко.

Он приложил палец к губам Харальда - молчи, мол, тебе вредно разговаривать. Принялся снова его поглаживать - успокаивать. Потом опять взял сосуд...

Офицеры видели, что тело короля расслабилось, поза стала естественной - он уснул. Все были восхищены искусством чужеземного чародея, потому что любил Харальда.

- Мы достали карету, надо отвезти короля в столицу, - сказал ординарец.
- Верно, - согласился Андвир, - чем скорее уложим его в постель, тем лучше. И главное - чтобы не проснулся, иначе ему будет плохо.

Он осторожно поднял отца и перенес в карету. Сам остался там же, чувствуя себя совершенно разбитым. Никто не протестовал, а возница хлестнул коней.

Спустя не так уж много времени они были в столице. Карета въехала прямо в замок, ворота которого не были заперты. Во дворе замка толпились придворные и слуги - они уже знали о случившемся.

Андвир взял отца на руки, чтобы отнести в спальню, и все молчаливо признали за ним право. Тело Харальда было худым и легким, голова спокойно лежала на плече Андвира, так что ничья помощь не требовалась.

На главной лестнице он встретился с приятной женщиной средних лет, лицом похожей на Харальда, одетой богато, но скромно.

- Ты кто? - спросила она.
- Я сын короля Харальда, - твердо, слишком уж твердо произнес он, так как боялся, что ему не поверят.

- Сын проклятой Грайне! - громким шепотом сказала она, и на мгновение ее добродушное лицо искажилось от ненависти. Но тут же она взяла себя в руки и велела Андвиру следовать за собой.

Женщина привела Андвира в спальню короля, и он бережно опустил отца на взбитую перину, оправил подушку под его головой. Затем осмотрелся: все в комнате свидетельствовало, что принадлежит она человеку с хорошим вкусом, не избалованному жизнью. Будь у Андвира свой дом, он бы хотел, чтобы у него все было так же.

Они оба присели возле кровати. Женщина сказала, что ее зовут Констанция и что она - сестра Харальда. На своего племянника она смотрела с нескрываемым презрением.

Отвращение у нее вызывал не сам Андвир, поразительно похожий на отца, а то, во что он был одет. Наконец она не выдержала и предложила парню пойти помыться, переодеться и заодно поест.

Он вспоминал свою загубленную молодость... Когда ему было столько лет, сколько Андвиру, он выглядел почти стариком, он убежал из драгонульфового логова полуживым. А его Андвир стал прислужником Драгонульфа до б р о в о л ь н о. Зачем теперь вообще жить?

Констанция резко встряхнула своего племянника за плечо. Андвир сел, помотал головой, стяхивая сон и сказал:

- Доброе утро, отец!
- Харальд поднял голову, но не произнес ни слова.
- Что случилось? - присев у постели на корточки, спросил парень, обо всем уже догадавшись.
- Ты знаешь.
- Да, отец. Прости меня - или убей!
- Я не могу, - сказал Харальд, опуская голову на подушку.

Андвир чувствовал себя так, будто его душа была отравлена, он уже давно это чувствовал, но

сейчас ему стало просто невмоготу. Я хочу содохнуть, думал он. Да, но пока Сигрид в Гнезде Грифа, он не может распоряжаться собою как хочет.

- Отец, я тебе уже не нужен, отпусти меня. Я должен быть в другом месте.
- Я тебя не держу, но скажи: что ты собираешься делать?
- Во первых, найти Эльрун и все ей объяснить. Видишь ли, отец, мне никто не верит, и я не хочу ни перед кем оправдываться, но без Эльрун я не могу... Во-вторых, освободить Сигрид из Гнезда Грифа.

- Как, Эльрун здесь? - изумился Харальд.

- Да. А Сигрид - ее сестра. Честно говоря, я надеялся, что ты сможешь нам, но теперь...
- Конечно же, я помогу! - воскликнул Харальд, садясь в постели. У него несколько отлегло от сердца: по крайней мере, Андвир не собирался больше служить злу.

- Спасибо, отец. Значит, ты меня простишь?

- Но все-таки я хочу знать, Андвир, как это случилось.

У Андвира с того момента как он проснулся, болела голова, а сейчас боль стала просто невыносимой: от волнения его сердце сильно колотилось, и каждый его удар отдавался болью в висках. Он сидел на ручке кресла и тер виски руками.

- Тебе нехорошо? - спросил Харальд.
- Да... Голова разламывается.
- Иди ко мне. Положи голову мне на колени и расслабься.

Андвиру было очень стыдно перед отцом, но он послушался. Харальд взял свой сосуд и принялся на нем играть.

Но на сей раз камлание ему не удалось. Сосуд выскользнул из его рук на пол, а сам он разразился проклятиями. Андвир негромко вскрикнул от боли.

Констанция была поражена тем, что Харальд стреб сына в охапку, прижал к груди и поцеловал прямо в губы. А его слова были вообще невероятными.

- Андвир, забудь все, что я тебе говорил. Ты ни в чем абсолютно не виноват.
- Отец, но я действительно... - слабо запротестовал Андвир.
- Ты не виноват, потому что ничего не помнишь, а следовательно, не можешь отвечать за свои поступки.

- За все, что я сделал, я готов отвечать.

- Ты не знаешь, что с тобой сделали. У тебя вынули янли - то есть память - и где-то заперли. Естественно, это мог сделать только Драгонульф. И тут я ничем не могу помочь.
- Но что же мне делать, отец?

- Пока что тебе надо выпастыться, а потом мы придумаем что-нибудь.

- Андвир откинулся на подушку и закрыл глаза.
- Не понимаю, зачем Драгонульф послал его сюда? - спросила Констанция.
- Надеялся, что я убью моего сына и умру от горя. Но ничего у него не вышло!

Затем Харальд поднялся наверх, на башню, и увидел на площади перед замком небольшую демонстрацию. Толпа несла лоуни: "Харальд - трус", "Смерть Драгонульфу" и тому подобные. Вся она состояла из юнцов не старше Андвира, которые не боялись смерти, потому что не знали, что это такое.

Я не хочу войны, подумал Харальд, но и не уклоняюсь от нее. Смерти Драгонульфа требуют? Но кто же знает, где его смерть?

Продолжение следует